

Хайдар

*Пюрьские
мотивы*

Хайдар Бедретдинов

Тюркские мотивы

«Автор»

2010

Бедретдинов Х.

Тюркские мотивы / Х. Бедретдинов — «Автор», 2010

В книге Хайдара Бедретдинова «Тюркские мотивы» слышны голоса не только тюркских народов, но и их соседей. И оказывается, что все народы, независимо от языка и религии, живут по одним нравственным законам. Автор в первую очередь подчёркивает то, что объединяет народы в их нравственных ценностях, добрых традициях. Своим творчеством Хайдар Бедретдинов делает свой духовный вклад в сближение людей планеты. Книга издана в авторской редакции.

© Бедретдинов Х., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Солнечное рождение	5
От автора	6
Турецкие зарисовки	7
Ворота Востока	7
Эфес	8
Азан	9
Минарет	10
Восточный базар	11
Дельфинотерапия в Мармарисе	14
Малыш и ослик	15
На турецком берегу	16
Одна узбечка	17
Остров Клеопатры	18
Рассказ гида	21
Щедрость	22
Спор кумганов	23
Сулейман великолепный	25
Тайна	26
Танец дервишей	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хайдар Сулейманович Бедретдинов

Тюркские мотивы

Солнечное рождение

Каждый ребёнок – это солнечное явление, исполненное тайны. Каждый ребёнок по-своему трогателен и красив. Но давно замечено: если в новорождённом воссоединяется Восток и Запад – ребёнок непременно будет симпатичен, в чём-то необычен и одарён толикой таланта, который будет помогать ему в трудных жизненных ситуациях. Рождение поэтической книги Хайдара «Тюркские мотивы» со всей очевидностью подтверждает данную закономерность. Написанная на русском языке, книга вобрала в себя и исторические отступления в прошлое по тюркским тропам и славянским просёлкам, и топонимические открытия, и этнографические находки, и поэтические прозрения, невозможные без любви к Родине, матери, единственной женщине и, конечно, – трогательной любви к детям.

Можно часами говорить об интернационализме, о духовности, о сближении культур; говорить с экрана с апломбом и жаром, который быстро остывает; а можно совершить Поступок, собрать воедино, под одну обложку всё выстраданное и накопленное на тему «Восток-Запад» и явить читательскому миру.

Вдвойне действенно, когда такой Поступок совершает воин, с честью прошедший свой трудный путь и запечатлевший самые яркие вехи в стихах.

Верю в то, что путь этой книги никогда не будет одиноким. Написанная во имя дружбы и любви, она всегда найдёт и попутчика и душевного собеседника.

Владимир Бояринов, поэт,

заслуженный работник культуры РФ, Ингушской республики, Чеченской республики .

От автора

Как говорится в одной русской поговорке: «Поскреби русского – найдёшь татарина», так и в культурах славян и тюркских народов много заимствований и взаимопроникновений. Достаточно сказать, что по исследованиям Казанского университета 25 % корней слов русского языка имеет тюркское происхождение, причём словарное проникновение относится ещё к доордынскому периоду – эпохе Киевской Руси, когда зачастую русские князья были в династических браках с половецкими и печенежскими князьями (например, Владимир Мономах – сын и муж половчанок). Торговля Руси со Степью тоже предполагала взаимовлияние благодаря хозяйственным взаимоотношениям купцов и простолюдинов. Исследователи памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве» находят огромное количество тюркизмов в этом произведении и делают вывод, что автор «Слова» был двуязычен, что весьма характерно для той эпохи и для тех сложившихся близких взаимоотношений славянских и тюркских племён. (Записки Афанасия Никитина «Хождение за три моря» также пестрят тюркизмами). Позднее влияние сказалось и в делопроизводстве, которое до Петровской эпохи велось на тюркский лад, и в архитектурных заимствованиях (шатровые церкви древней Руси – это перенесённые проекты болгарских мечетей, а Храм Василия Блаженного – повтор одной из разрушенных мечетей Казани с куполами-тюрбанами). Заимствование или влияние было даже в мелодике богослужебных православных молитв и духовных песнопений допетровской эпохи – ведь они пришли из Византии, имеющей восточные культурные корни. Много элементов тюркской культуры имело и в одежде, и в вооружении, военной организации, почтовой связи Руси той поры. Всё это вместе составляло, как сейчас принято говорить, евразийскую общность с её особой культурой.

и дальних соседей, услышать вдруг сохранённый бережно соседями голос дальних своих предков, обогатиться новыми впечатлениями и знаниями. Необходимо способствовать сохранению и развитию культурных связей евразийских народов, занимающих обширные пространства от Алтая до Молдовы, от Причерноморья до севера России.

И тут возникают совершенно новые взаимовлияния в литературе тюркоязычных и других народов. Так, Тимур Зулфикаров, таджик, Олжас Сулейменов, казах, пишут на русском, но сохраняя колорит, характерные речевые обороты и философский подтекст языков своих народов. Здесь можно говорить о тюркизмах уже не лексических, а колористических и духовных. Яркий пример нерусской образности в русскоязычных произведениях являет собой творчество абхаза Фазиля Искандера. При этом расширяются возможности русского литературного языка, идёт его обогащение. Или вот, на все сто – русский писатель-фантаст Сергей Лукьяненко, пишущий на русском же, но выросший на Востоке, в своих произведениях философичен по-восточному, несёт неповторимый аромат восточных притч и сказок. В творчестве Паоло Коэльо заметен след восточной образности и мышления. Болгарский поэт Веселин Георгиев ярко творит на русском языке. Если идти дальше – Набоков и Бродский создали шедевры уже на английском языке. Видимо, если их произведения переводились бы переводчиками, работающими, как сейчас принято, исключительно с подстрочником, то что-то очень важное, духовное терялось бы. Ведь в прошлом, зачастую, литературными переводами занимались мастера, равные, а то и более сильные по творческому потенциалу, чем национальные авторы. И это позволяло создавать в переводе произведения высочайшего уровня, которые приносили славу порой весьма малоизвестным авторам.

Все эти встречные процессы сегодняшнего дня, как бы, открывают новый «Шёлковый путь» для литературы Евразии, когда появляется новая литература – не классическая русская и уже не национальная в чистом виде, а синкретическая, включающая голоса и колорит разных культур этой общности.

Турецкие зарисовки

Ворота Востока

Это моря иль города гул?
Или ветер с Востока подул?
Только слышится громче и громче:
«Истанбул! Истанбул! Истанбул!»

Минаретов торжественный хор
Оглашает молитвой Босфор.
И звучит над проливом азан,
Как сердцам незаблудшим «сезам».

Здесь очаг тьмы народов раздут,
Всех эпох постоянный редут,
Для изгнанников – горькая чаша,
Эмигрантов последний приют.

Вечный символ Востока – чинар.
Под чинаром – бескрайний базар.
И торговец – то липкий, как местная сладость,
То безжалостный, как янычар.

Синим вечером здесь не до сна.
Город весь – как одна ашхана:
За столами вдоль улицы – праздник желудка —
Пьют-едят всей гурьбой до утра.

Здесь кончается «Шёлковый путь».
Запад с ветром врывается в грудь.
Сын Византия,
Константинополя наследник,
Рим восточный,
Стамбул,
Счастлив будь!

Эфес

Сколько раз из руин ты воскрес
И не раз возрождался из пепла
Амазонок столица – Эфес —
И исправный служитель Кибелы!

Чудо света – волнующий храм
Артемиды, известный по праву
И усладой красою глазам,
И лихой геростратовой славой.

Илиаду слагал здесь Гомер,
Македонский – для крепости стены.
Видел амфитеатра партер
Из Нерона кровавые сцены.

Всё Эгейское море держал
От Эфеса до Крита, Родоса
Флага чёрного контрадмирал —
Кровожадный пират Барбаросса.

Цвет героев земных и богов —
Их деяния неповторимы.
Здесь творил Иоанн Богослов,
И жила Богоматерь Мария.

Твои жители, гордый Эфес,
Были духом и телом гиганты.
Каждый камень несёт в себе весть
Легендарной эпохи атлантов.

Азан

Ночь растаяла как будто,
Нарождаются лучи,
С минарета звонко будит
Правоверных азанчи.

В звуках зычного азана —
Заклинанье от беды,
Боль и скорбь Востока, раны
И надежды бедноты.

Просьбы жаркие к Аллаху
Отпущения грехов,
Песнь о предках, что во прахе,
И к молитве первый зов.

Ветерок подул в оконца,
Свет неярких звезд потух.
И – служитель культа Солнца —
Свой азан поёт петух!.

Минарет

Первый луч прикоснулся к глазам.
Держит сон еще сладкий и липкий,
Но звучит уже зычный азан
К омовению сердца молитвой.

Зов к молитве – как песня души
О величьи творца мироздания.
Минареты, как карандаши,
Продолжают о вечном сказанье.

Успокоился старый пират:
Став купчиной, жизнь переиначил.
Зацепившись за месяц, стоят
Минареты – застывшие мачты.

Азанчи посылает свой зов
Сотни лет в небо – нету ответа.
В честь покинувших Землю богов
Минарет – смутный облик ракеты?

Видно, был не единожды крах,
Человечество в прах растирая. —
Мы грустим о златых временах,
Мы скорбим о потерянном рае.

Не случается жизнь без грехов —
Такова человека природа.
Минареты – от гнева богов
Сквозь раскаянье громоотводы.

Сто загадок таит Будды след.
Будоражит нас зов Атлантиды.
Колокольня стоит, минарет
На руинах дворца Артемиды...

Восточный базар

Давно описал караван я сарай,
Где яства и гурии – сладостный рай.
И только слегка отрезвевши от чар,
Обещанный мной покажу я базар.

Восточный базар, видно, создал нечистый,
Куда уж там КИО-иллюзионисту!
Ведь в цирке в конце вам вещички вернут,
А здесь лишь улыбку вернёт тебе плут.

Меня не заманит какой-то дешёвкой
Торговец лукавый, готовя уловки.
Хочу по базару я так погулять —
Намерений нет что-то здесь покупать.

«Зачем покупать? Ты зайди, посмотри:
А мех-то пушистый какой изнутри!
Тебе мы как гостю навстречу идём
И вдвое дешевле товар отдаём.»

Такое вниманье! Такой уж почёт!
И вдвое дешевле, – ну кто ж не возьмёт?
«А вот-ка», – добавил, начёс теребя, —
Примерь-ка, да это – как раз на тебя.

Когда в нём увидит, то ахнет жена,
И вечером, знай, так уж будет нежна.
А это! Тут сразу – и сахар, и мёд!
И только ослепший его обойдёт!

Для ровного счёта и это возьми —
Достойно ты будешь ходить меж людьми.
А эту вот вещь предлагаю свою:
Я сам брал за пять, а за три отдаю.»

Но в лавке соседней прошиб меня пот:
Хозяин за ТРИ там пять штук отдаёт.
На чём-то ведь должен родиться навар...
Никто не неволит идти на базар.

Разинул я рот на восточное чудо:
«А можно – на память сниму я верблюда?»
Те снимки поныне забыть не дают,
Кто был в этот день настоящий верблюд.

Меня подхватили, не дав обомлеть,
Четыре ручищи – и я уж в седле.
Два крошечных круга погонщик ведёт
И тут же вручает за всё это счёт:

За фото, поездку как с гостя – пустяк:
По сотне за круг и ещё четвертак.
Влетел. Расплатился. Но тут же другой
С улыбкой-шербетом: «Зайди, дорогой!»

Чайку наливает: «Присядь, отдохни,
Попробуй, примерь, на товары взгляни!»
От сделки удачной отходишь едва,
Как кругом от новых идёт голова.

Домой возвратился с пустым кошельком
И понял, что я – ну, дурак дураком.
Навьюченный верхом товар я припёр.
И на фиг мне сдался моленный ковёр?

И чёрт ли попутал мозги мне совсем —
Кумган омовенья купил я зачем?
Жена вместо ласк показала на дверь:
«На что же детишкам мы купим теперь?»

Базар не равняется рынку Европы,
Но нас убеждает лишь собственный опыт.
Хоть надписи нету, но будь начеку:
Сам воздух базара вредит кошельку.

По правде – была и достойная встреча:
И искренний взгляд, и язык человеческий.
С двух слов подружились мы запросто с ним:
Литейщик, чеканщик, художник – Расим.

Ах, сколько ж легенд, поучительных притч
На том же базаре узнал я – москвич!
За стих о султанах, прочитанный мной,
Подарок вручил мне – подсвечник резной.

Хотите уж верьте, хотите – уж нет:
Но может меняться менталитет.
Раскрою секрет, завершая рассказ:
Учился торговец в Союзе у нас.

А что там с базаром? Бушует базар.
И всё – как по Марксу: за деньги – товар.
Наверно, не понял тут многое я,
Но этика всё же во всём есть своя.

Обычай в честь праздника видел я тут:
Купцы угощение бесплатно дают.
Кто – сладостей горку, кто – с мёдом шербет,
На масле цветов благовоний букет.

И всё ж очарован восточным базаром.
Его посетил я, наверно, не даром.
Мир новый увидел, а также извлёк
Я, хоть не бесплатный, но всё же урок.

Дельфинотерапия в Мармарисе

А он родился не такой,
Как все бывают,
О ком мечтают.
Свои родители его
Не понимают,
Не понимают...

И папа ходит вечно злой,
А мать рыдает
И так страдает.
И чем для них он не такой,
Малыш не знает,
Не понимает.

Всегда с улыбкой пузыри
Он с губ пускает,
Всех удивляет.
Но окруженье, что творит,
Не понимает,
Не принимает.

И только маленький дельфин,
Что приплывает
И с ним играет,
На свете, кажется, один
Всё понимает,
Всё понимает.

Вдвоём агукают они,
Смеясь, ныряют,
Мир открывают.
Друг друга, душами сродни,
И обнимают,
И понимают.

На жизнь родителей печать
Заботой длинной
Легла безвинно.
Наверно, будут изучать
Остаток жизни
Язык дельфиний...

Малыш и ослик

Здравствуй, милый мой дружок!
Здравствуй, ослик мой послушный,
Посеребрённые ушки.
Начинается урок.

Ну и что же из того,
Если кто-то не полюбит,
Называя его грубым,
Твой певучий «И-го-го!».

Ну, вперёд, мой карапуз!
Что-то нынче ты задумчив.
Верно, думаешь, как лучше
Довезти нам этот груз?

Не назад, а вон – туда!
За меня держись покрепче:
Может, станет тебе легче —
Ты ведь умным был всегда.

Удивлён народ: «Малыш!
Он поймёт пинки и палку —
Нам трудов напрасных жалко —
Справишься, коль накричишь.»

«Нет, совет мне ваш – не впрок:
Тренируясь на ослёнке,
Я для вас коплю силёнки,
Для себя веду урок!»

На турецком берегу

На турецком берегу
Волны память берегут.
На турецком, на купецком,
На пиратском берегу.

И глядят из-под воды
Роксоланины следы
На турецком, на купецком,
На пиратском берегу.

Сбывшийся дивчины сон,
Что взойдёт она на трон
В этом ханстве-государстве
На турецком берегу.

Слава шла во все концы,
Что возводятся дворцы,
Церкви, пагоды, мечети
На турецком берегу.

Нынче стены берегут
В камне прочную тамгу
О рабыне, о царице
На турецком берегу.

Одна узбечка

Одна узбечка из Советского Союза,
Но на сезон – турчанка, звать Фируза.
Массаж, буфет и танец живота —
Весь день-деньской такая маята.

А в голове – всего одна забота:
Ну, как бы за сезон здесь заработать!
В Ташкенте ждёт огромная семья
Без хлеба, без работы, без копыа.

Что из того, что есть диплом – учитель?
Но власть глуха: стучите – не стучите.
Амбиции взорвали наш Союз,
А бедности на нас свалили груз.

Гнетёт по всем статьям нас унижение.
Мир потерял к стране всё уважение.
И дети той потерянной страны
Лишь в роли гастарбайтеров нужны.

И улыбнётся с неподдельной грустью
Сестра моя по бывшему Союзу.
И шепчет: «Поскорее бы зима —
Без дома, без детей сойдёшь с ума...»

Остров Клеопатры

Клеопатра, Антоний...
Сколько ярких легенд,
Небылиц и историй —
Бурной жизни их след!

Как любовник неистовый,
Жизнь деля пополам,
Пол империи Римской
Бросил даме к ногам.

Как, имея пол мира,
В сладкой страсти она,
Крах с воякой-задирой
Испытала сполна.

Сквозь далёкие мили,
Сквозь разлучные дни
Как без связи мобильной
Истрадались они?

Видно, слышали сердцем
И печаль, и восторг,
И сердечные герцы,
И желания ток.

Молвят: шли караваны
Ста судов на восток
И везли, как ни странно,
Не шелка, а песок.

Для единственной женщины,
Чтоб исторгнуть восторг,
Словно молотый жемчуг —
В искрах белый песок.

Этот пляж Клеопатры
Жив до нынешних дней,
Как жемчужина правды
В море сказок о ней.

Сколько скрещено мнений,
Острых копий и лбов,
Чтоб понять, чем важнее
Человеку любовь.

Об Изольде, Джульетте,
Как их ни назови,
Все поэмы на свете —
О мгновеньях любви.

О любви быстортечной,
Словно вдох или взлёт.
И поэзия вечно
Эти песни поёт.

Как объаты огнями,
Свой бросают уют,
Почему соловьями
Чуть не деда поют?

Что за мощная сила
Род взрывает людской?
За взошедшей любимой —
Как за яркой звездой.

Чувство тянет, как в омут,
Хоть в шалаш, хоть в сарай.
Может, эта истома —
В жизни краткий наш рай.

Грех Адама и Евы
Стал изгнанием им.
Как сюжет этот древен!
Что ж от нас мы хотим?

То колонна, то кладка
Смотрят из-под земли —
Это тоже остатки
Древних храмов Любви.

Привидение жрицы
До сих пор по ночам
С нею в танце кружиться
Предлагает друзьям.

Соблазняют поныне
Род мужской неспроста
Жрицы танца живые
Танцами живота.

И Троянские стены,
Сквозь века нам видны,
Хоть прекрасной Елене
Не хотелось войны.

Нынче мир измельчавший:
Не возвышен и нем —
Ни героев отчаянных,
Ни страстей, ни поэм.

Все хиты олигаршьи —
Про богатство, тюрьму.
Нет судьбу поменявших
На любовь да суму.

Мог настроить бы лиру
Я на длинный рассказ.
Но истории мира —
Это тоже про нас...

Рассказ гида

Нет, наверное, шире,
Чем у русских душа:
Тратят доллары, лиры.
В путь домой – ни гроша.

Могут ракию выпить,
Не разбавив водой,
А потом заковыка
Вся выходит с едой.

До утра не напряжно
Могут петь-танцевать,
Чтобы день весь на пляже
После ночи проспать.

Соберутся в парилке —
Не берёт их там жар.
Разжигают напитки
Изнутри им пожар.

Слов мы много узнали
От российских гостей:
«Лох, менты, повязали,
Баксы, тёрки, налей...»

Обещают нам «крышу» —
Всех нас в гости зовут.
Но я всё-таки слышал,
Что не очень нас ждут.

Полицейский там зверем
В паспорт смуглых глядит.
Без бакшиша не верит,
Что ты гость – не бандит.

Может, это и враки —
Надо будет узнать.
Ну, а мы-то вам рады —
Приезжайте опять!

Щедрость

Жил шах-падишах в государстве далёком
И слыл чудаком он душою широкой:
Он платье простое порой надевал,
С лотка на базаре деньгу раздавал.

Хвалили придворные щедрость такую,
Слагали поэмы, о славе тоскуя.
Но было однажды: бродячий дервиш
Его остудил, будто отнял гашиш,

Сказав, что он знает щедрей человека,
Живущего в ближнем лесу, дровосека:
Он рубит, таскает дрова круглый год
И всем, кто в нужде, просто так отдаёт.

«Ты, царь-государь, поразмыслив, сумеешь
Понять – от щедрот ты не стал ведь беднее.
Ещё ко всему я добавить дерзну:
Ведь деньги твои возвратятся в казну.

А вот, дровосек для людей не жалеет
И дарит им то, что и сам не имеет.»
Вот тут-то и сказке случайной – конец.
Кто понял её, тот, конечно, – мудрец!

Спор кумганов

В государстве песчаном,
Где-то с краю Земли
Три кувшина-кумгана
Спор великий вели.

«Я в стране – самый главный, —
Первый звякнул кумган, —
Золотой я, чеканный,
Среди вас я султан.

И камнями обильно
Вся усыпана грудь:
Бирюза и рубины —
Любо просто взглянуть.

Вязью выписан тонкой
Мой богатый тюрбан.
В нём я выгляжу, словно
Сам султан Сулейман.

А водой не полощут
Суть напрасно мою:
Есть кумганы попроще —
Просто так я стою».

«Серебро я и никель, —
В спор вступает второй, —
Для чего ж, извините,
Нас снабжают водой?

Разве мы – украшенья,
Чтоб без дела стоять?
Ведь своё назначенье
Должен всяк исполнять.

С дорогими вещами
Я дружу как-никак:
Звездочёт завещал мне
Свой чудесный колпак.»

«Да уж, братья-кумганы,
Взяли вы красотой!
Медный я, оловянный,
И из глины простой.

Не богат я, не гордый,
Чтобы что-то иметь,
Но ведь тысячи горнов
Нашу плавили медь.

И трудились над нами
Тысяч сто кузнецов.
Колдовали руками
Тьма простых мудрецов.

А пока вы решали,
Кто из вас красивей,
Омовенье мы дали
Миллионам людей».

Поседели курганы.
Говорят, до сих пор
Всё решают кумганы
О достоинствах спор.

Только прячут усмешку,
Как старик в бороде,
В новый век наш успешный
Тёплый душ и биде.

Сулейман великолепный

Султан Сулейман по прозванию «законник»,
Народ благодарный добром его помнит:
Вершились великие в царстве дела,
И жизнь у народа счастливой была.

При нём процветали ремёсла, искусство.
Его в письменах восхваляли и устно.
И в новых деяньях, полезных делах
Жена, Роксолана, подругой была.

Умел покорять и без выстрела страны
Твореньями зодчего турка Синана.
И в бывших владеньях поныне стоят
Мечети и бани, возрадуя взгляд.

За мирную жизнь, за обилие хлеба
Народ называл его Великолепным.
Но больше, конечно, прославился он
За свой справедливый и мудрый закон.

Об этом законе писали трактаты,
Чеканили текст на пластинах из золота.
Поклонников не зарастала тропа:
За мудростью шла иноземцев толпа.

Он мог по ночам, как дервиш, лишь в халате
Бродить, чтоб прислушаться к бедным собратьям.
Хотел непременно узнать точно он,
Как власть основной исполняет закон.

Овеяны славой великие строки —
Правителям многим упрёк и уроки.
Всего-то пять слов содержал тот закон:
«Чтоб каждый был сыт и защищён!»

Тайна

Вот так и бывает: казалось, случайно
Раскрылась к несчастью их сладкая тайна.
Теперь уж кричи – не кричи «караул!»,
О том, что украдено, ветер шепнул.

Никто б не повёл в эту сторону носом,
Когда бы обычной тут веяло прозой.
А в том-то и дело, что ветер принёс
Откуда-то запахи утренних роз.

Никто и не должен был знать о свидании.
Как могут уйти сокровенные тайны?
Да вот, заглядевшись на этот дуэт,
И звёзды проспали законный рассвет.

Казалось: никто, никому, ни полслова.
И в этом поклясться все были готовы.
Но вот на волну накатилась волна,
И стала смышлёным картина ясна.

Ах, сколько случилось трагедий, как эта:
Тахир и Зухра, и Ромео с Джульеттой.
Судьбу повторить их никак не хотим,
Но авторов текста, конечно же, чтим.

И хоть перед классиками неудобно,
Порвать бы хотелось с традицией скорбной,
Чтоб эти страдальцы от тайных колец
До жизни семейной дошли наконец.

Ничто на Земле не бывает случайным,
Ведь всё, что случилось, теперь-то не тайна.
Уж мать-то согласна, смирился отец,—
Такую развязку придумал мудрец.

Танец дервишей

Кружатся, кружатся, кружатся, кружатся,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.